

Торре, Карлос

Карлос Торре Репетто

Carlos Torre Repetto

Страны: [Мексика](#)

Дата рождения: [23 ноября 1905](#)

Место [Мерида \(Юкатан\)](#)

рождения:	
Дата смерти:	19 марта 1978 (72 года)
Место смерти:	Мерида (Юкатан)
Звание:	Почётный гроссмейстер(1977) Международный мастер(1963)

Карлос Торре Репетто (*исп.* *Carlos Torre Repetto*; [23 ноября 1905](#), [Мерида](#) – [19 марта 1978](#), там же) – [почётный гроссмейстер \(1977\)](#). Играл в шахматы с 10 лет. Первого успеха добился в [1923](#): выиграл двухкруговой турнир с участием 7 американских шахматистов. В чемпионате Западных штатов ([1924](#), [Нью-Йорк](#)) занял 1-е место.

«*Первые шаги Торре именно таковы, какими они бывают у будущих чемпионов мира*

[Эм. Ласкер](#)

В феврале [1925](#) сыграл вничью матч с американским шахматистом [А. Купчиком](#) – 3 : 3 (+1 –1 =4). В 1925 совершил турне по [Европе](#): [Баден-Баден](#) (1925) – 10-е; [Марианске-Лазне](#) (1925) – 3-4-е (с [Ф.Маршаллом](#)); Москва (1925) – 5-6-е (с [С. Тартаковым](#)); [Ленинград](#) (1925/[1926](#)) – 2-3-е места (с [Я. Рохлиным](#)). В 1926 в турнире американских шахматистов в [Чикаго](#) – 2-3-е место, после чего отошёл от шахмат в связи с болезнью.

«*Новые надежды были обращены к Торре, но этот талантливый юноша, видимо, потерян для шахмат*

[Р. Рети \(1927\)](#)

Ввёл в шахматную практику вариант, названный его именем: 1. d4 Kf6 2. Kf3 e6 3. Cg5. Шахматист позиционного стиля, хорошо разбирающийся и в комбинационной игре. Известен своей победой в партии с Эм.Ласкером на Московском международном турнире 1925 года с помощью комбинации «мельница».

[Э. Грюнфельд](#) - К. Торре, Баден-Баден, 1925 Партия длилась всего лишь 13 ходов: 1. d4 e6 2. Kf3 f5 3. g3 Kf6 4. Cg2 d5 5. 0-0 Cd6 6. c4 c6 7. Фс2 0-0 8. b3

Ke4 9. Cb2 Kd7 10. Ke5 Фf6 11. f3 K:e5 12. de Cc5+ 13. Kph1 K:g3+. Белые сдались

Пока Торре был мексиканец по рождению и гражданство, он провел большую часть своей ранней жизни в [Новом Орлеане](#) и развивался как молодой игрок под опекой Новый Орлеан плеер е. З. Адамс. Торре позднее опубликовал необычную комбинацию, которая должна была иметь место в игре З. Адамс-Торре и Белая победа. Впоследствии было установлено, что эта комбинация никогда не играл в игры; Торре, и приписывание его Адамс была [дань уважения](#) своему учителю.^[4]

Торре впервые пришли международное внимание, когда он принял участие в большой [Нью-Йорк 1924 турнира](#) и впечатлило как американской, так и Европейской гроссмейстеров с высоким качеством его [скорость в шахматы](#) и аналитические способности. Сайте [Chessmetrics.com](#) мест, как Торре-восьмой в мире после своего турне по Европе. Он получил звание гроссмейстера в 1977 году.

Торре карьера была прервана душевной болезни. Торре проводил много если не до конца жизни госпитализированных после его пробоя в 1926 году. Грядущий брак, который был расторгнут в [дорогой Джон письмо](#), как полагают, играют определенную роль в его пробоя в [Оксфордский компаньон к шахматам](#). Однако, шахматный историк [Эдвард Зимняя](#) рассматривает это как вопрос открытый.^[5] [Рувим изобразительных](#) посетил его много лет спустя и обнаружили, что он все равно сыграл очень хорошо.^[Примечание 1] Торре выиграл чемпионат штата Луизиана в Новом Орлеане 1923. Он впервые был в Детройте 1924, затем [Самуэль фактор](#), [Герман Н. Nahlbohm](#), [Норман Уитакер](#), [Сэмюэл Решевский](#) и др., и в Рочестере 1924 (с Дженнингс). В 1924

году, Торре занял третье место в Нью-Йорке ([Авраам Купчик](#) выиграл). В 1925 году, он занял десятое место в Баден-Бадене ([Александр Алехин](#) выиграл). В 1925 году, он связал за третье/четвертое место с [Фрэнк Маршалл](#), за плечами [Арон Нимцович](#) и [Рубинштейн Акиба](#), в Мариенбад. В 1925 году, он связал за пятое/шестое место с [Savielly Тартаковер](#) в Москве ([Ефим Bogoljubow](#) выиграл). В 1925 году, он связал за второе/третье место в Ленинграде (Четырехугольная; [Соломон Борисович Gotthilf](#) выиграл). В 1926 году, он связал за второе/третье место с [Гезой Maróczy](#), позади Маршалла, в Чикаго. В 1926 году, он выиграл, опередив [Хосе Хоакин Арайса](#), в Мехико.

Number of games in database: 138

Years covered: 1920 to 1934

Overall record: +68 -21 =43 (67.8%)*

* Overall winning percentage = (wins+draws/2) / total games

Based on games in the database; may be incomplete.

6 exhibition games, odds games, etc. are excluded from this statistic.

MOST PLAYED OPENINGS

With the White pieces:	With the Black pieces:
Queen's Pawn Game (11) A46 A50 D02	French (10) C12 C11 C00
Queen's Gambit Declined (8) D30 D31 D38	French Defense (10) C12 C11 C00
Ruy Lopez (7) C68 C60 C88 C79 C87	Queen's Pawn Game (9) A50 D02 A45
Slav (5) D15 D13 D11	Grunfeld (5) D90 D85 D94 D80
	Ruy Lopez (5) C80 C88 C68 C97
	Alekhine's Defense (4) B03

NOTABLE GAMES:

[Carlos Torre vs Lasker, 1925](#) 1-0

[Gruenfeld vs Carlos Torre, 1925](#) 0-1

[Carlos Torre vs N Banks, 1924](#) 1-0
[Carlos Torre vs Saemisch, 1925](#) 1-0
[Carlos Torre vs Verlinsky, 1925](#) 1-0
[Carlos Torre vs M A Schapiro, 1924](#) 1-0
[Carlos Torre vs J Araiza Munoz, 1926](#) 1-0
[Carlos Torre vs Dus Chotimirsky, 1925](#) 1-0
[Marshall vs Carlos Torre, 1925](#) 0-1
[Carlos Torre vs E Z Adams, 1920](#) 1-0

NOTABLE TOURNAMENTS:

[Marienbad \(1925\)](#)
[Moscow \(1925\)](#)
[Baden-Baden \(1925\)](#)

GAME COLLECTIONS:

[Marienbad 1925](#) by suenteus po 147
[US Open 1924, Detroit = 25th Western Champ.](#) by Phony Benoni
[Carlos Torre Repetto](#) by ArturoRivera
[Chicago Masters Tournament, 1926](#) by Phony Benoni
[HAL1999's favorite games](#) by HAL1999
[98 C24 Urusov-Gambit](#) by whiteshark
[The Latin American Super Grand Masters](#) by Eduardo Bermudez

[Search Sacrifice Explorer](#) for Carlos Torre Repetto
[Search Google](#) for Carlos Torre Repetto

Best World Rank: **#8** (6 different months between the [May 1926 rating list](#) and the [October 1926 rating list](#))

Highest Rating: **2668** on the [May 1926 rating list](#), #8 in world, [age 20y6m](#)

Best Individual Performance: **2695** in [Marienbad, 1925](#), scoring 9/14 (64%) vs 2616-rated opposition

Хотя Репетто Карлос Торре прожил довольно долгую жизнь, получив даже на 73-м году звание международного гроссмейстера за былые заслуги, его международное турне уложилось в неполных 6 месяцев 1925 года, из которых большую часть он провел... дома, в Мексике. Оттуда, из родного города Мерида, он двумя годами раньше появился в США, где сразу взял и выиграл двухкруговой турнир с участием еще семи американцев. Потом – первое место на чемпионате Западных штатов в Нью-Йорке и неторопливое путешествие во втором классе пакетбота через Атлантику. С собой он вез разработанный вариант **1.d4 Kf6 2.Kf3 e6 3.Cg5**, получивший впоследствии его имя, и более чем лестную оценку мудреца Ласкера: «Первые шаги Торре именно таковы, какими они бывают у будущих чемпионов мира...»

Стартовый турнир в Баден-Бадене принес Карлосу (почему-то в шахматном мире второе его имя вдруг стало основным) **10-е место**. Ровно через неделю он начал сражение в Мариенбаде (ныне – Марианске-Лазне) и завершил его вместе с Маршаллом на **3–4 местах**: на очко позади Нимцовича с Рубинштейном, но впереди Рети, Тартаковера, Шпильмана, Грюнфельда, Земиша – не правда ли, неплохая играла компания?! Хотя – и на старуху бывает проруха.

Возвратившись затем в Мексику, Торре осенью вновь отправился в путешествие, еще более далекое. Вспоминает один из организаторов Первого Московского международного турнира Валериан Еремеев:...

«Самым молодым участником был Карлос Торре – посланец далекой Мексики. В Москве ему исполнился 21 год.

В этом юноше все было необычным. Маленького роста, в больших роговых очках на миловидном лице, Торре производил очень приятное впечатление.

Он был крайне учтив, робок и конфузлив. Обладая каким-то особым обаянием, Торре с первых же дней стал любимцем москвичей, и у его партии всегда было очень многолюдно.

Необычен был и его приезд в Москву. В день, когда Торре должен был прибыть, в Москве стоял трескучий мороз (9 ноября. – Я.Д.), поэтому я попросил у Н.В. Крыленко (заместителя Народного комиссара юстиции. – Я.Д.) разрешения воспользоваться его закрытым автомобилем. Дело в том, что в 1925 году не было еще «Интуриста» с его комфортабельными автомашинами, не было в Москве и такси, и оргкомитету турнира приходилось пользоваться частными прокатными автомобилями, которые почему-то все были открытыми. Предосторожность оказалась не лишней. Велико было изумление всех встречавших, когда из вагона вышел Карлос Торре в одном костюме, без пальто и даже без головного убора. С большим смущением он объяснил, что на его родине в Мексике сейчас очень тепло, и он никак не думал, что в России снег и так холодно.

Быстро усадив Торре в машину, я отвез его в гостиницу и оттуда же по телефону рассказал обо всем Крыленко, который попросил меня тотчас же свести Торре в лучший магазин и купить ему шубу на меху и шапку. Так и пришлось сделать. Торре был в восторге.

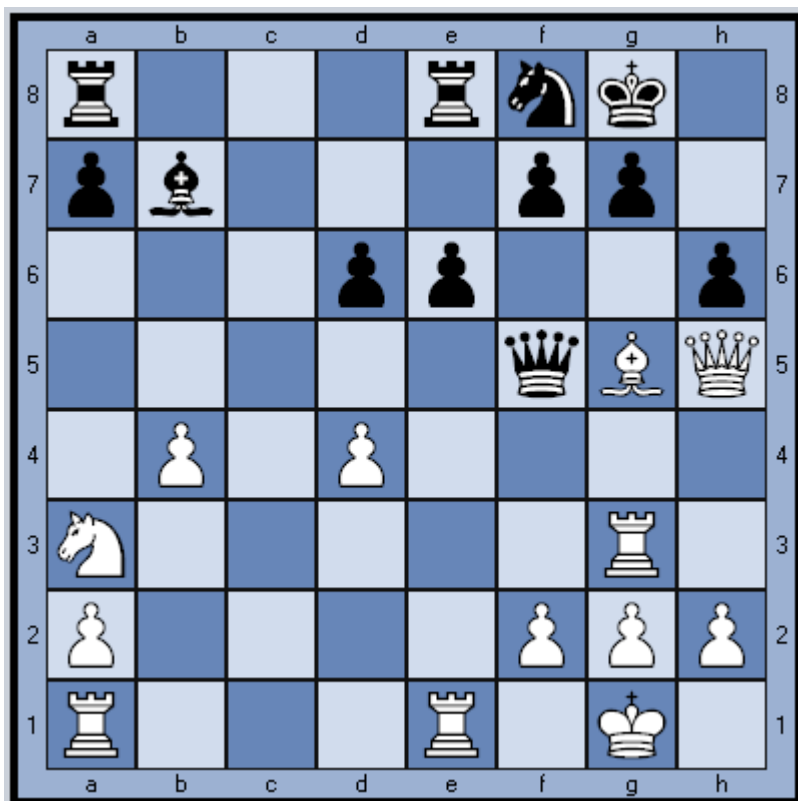

Мягкий в жизни, за шахматной доской Карлос Торре перерождался и становился грозным противником. В первом туре он был свободен от игры, а со второго начал свое победоносное шествие. В первых десяти партиях Торре набрал 7,5 очка, и его имя стали называть в числе вероятных претендентов на первый приз. Однако в оставшихся встречах он не выдержал чисто физического напряжения, набрал всего лишь 4,5 очка и, закончив турнир с 12 очками из 20 возможных, разделил 5-6 призы с Тартаковым. Для молодого шахматиста и это было успехом, тем более, что он дал ряд прекрасных партий. Торре блестяще выиграл у Ласкера, а с Капабланкой сделал ничью.

Никогда не забуду, как темпераментно переживал Торре свою победу над Ласкером.

Обеими своими руками он схватил протянутую руку Ласкера и со словами радости что-то быстро ему говорил. Зрители устроили настоящую овацию, и распорядители долго не могли успокоить болельщиков симпатичного мексиканца».

Было чему радоваться поклонникам юного таланта: впервые в соревнованиях такого ранга, да еще самому экс-чемпиону мира была устроена «мельница». Кажется, что атака белых на королевском фланге зашла в тупик и им не спасти от гибели слона. Торре находит дополнительные ресурсы, позволявшие ему выйти сухим из воды.

23. Кс4 Фd5

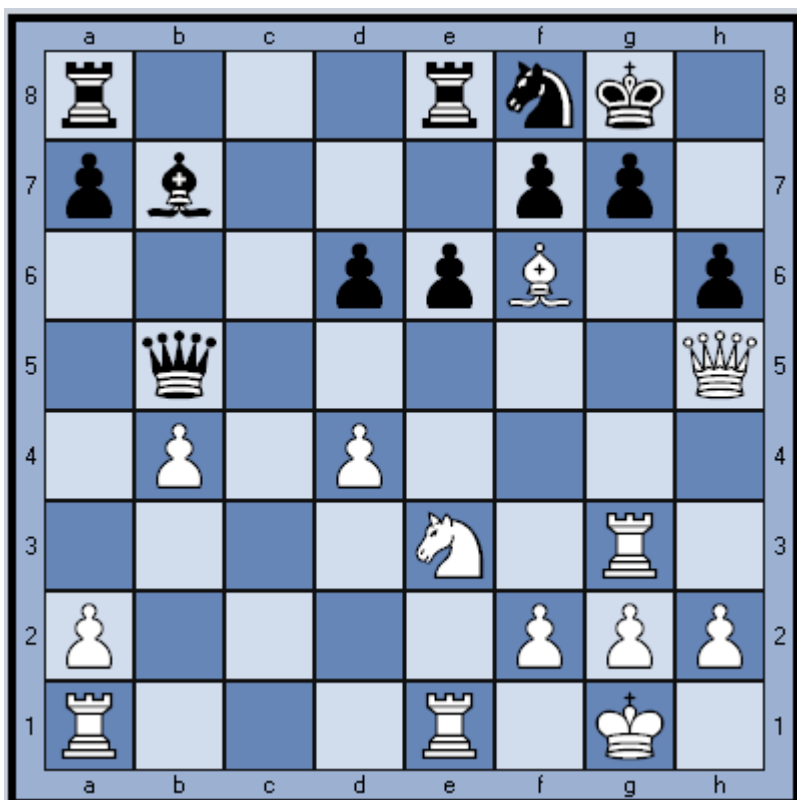
Не будем подробно анализировать психологическое состояние Ласкера в этот момент: только что вопреки всем спортивным нормам ему прямо на сцену передали телеграмму, где говорилось о принятии его с братом пьесы для постановки в престижнейшем немецком театре. Заметно было, что мысли его уже там, в «Берлинер театр», среди лиц, вызванных к жизни его фантазией, мудростью, мастерством. Только Ласкера-шахматиста это не оправдывает. Взятия 23...hg 24.Л:d6 переводили партию в примерно равный эндшпиль, хотя сделанный черными ход тоже еще не проигрывает.

24. Ке3 Фb5?

А вот это конец: после 24...Ф:d4 25.С:h6 Кgb вся борьба еще впереди

25. Cf6!!

25...Ф:h5 26.Л:g7+ Кph8 27.Л:f7 Кpg8 28.Лg7+ Кph8 29.Л:b7+ Кpg8 30.Лg7+ Кph8 31.Лg5+ Кph7 32.Л:h5 Кpg6 33.Лh3 Кр:f6 34. Л:h6+ и сопротивляться до 43-го хода было, строго говоря, уже не обязательно.

А после такого триумфа – неплохой турнир американских мастеров в Чикаго-1926 (Маршалл оказался первым, Мароци – он короткое время жил в США – и Торре отстали на пол-очка) и... все!

Лишь однажды, в 1934-м, Торре сыграл еще мини-матч из двух партий с набирающим грозную шахматную силу Файном.

Спустя полвека шахматный мир вспомнил о нем, присудив звание международного гроссмейстера. Увы, Карлос и здесь установил своеобразный печальный рекорд, или антирекорд: он прожил в гроссмейстерской семье лишь 136 дней...

"О развитии шахматного дарования"

К. Торре

Шахматная игра есть прежде всего игра, в которую любитель ее вкладывает известный избыток своей энергии. Как игра, основанная на способностях нашей мысли и нашего разума, она является не только комплексом определенных технических приемов, но и серией чрезвычайно серьезных психических актов в области мысли, чувства и воли. Иначе говоря, мы можем рассматривать проблему развития нашего шахматного дарования не только

как проблему усовершенствования индивидуальной техники, овладения приемами, но и как проблему психологического свойства, проблему эволюция нашего внутреннего "Шахматного существа".

Раздвоение это начинается с того момента, когда, мы, желая приобрести кое-какие познания в шахматной игре, берем в руки один из распространенных ее учебников. Познакомившись из первых страниц с общими правилами игры, ее терминологией, ее историей и т. п., мы сразу же переходим к анализу целого ряда партий, каждая из которых обладает несомненными достоинствами и, конечно, может служить превосходным образчиком для начинающего игрока.

Те десятки и сотни вариантов, которые мы находим на страницах как шахматных книг, так и журналов, представляют собой обычно значительную теоретическую и практическую ценность. И все же начинающему игроку не следует поддаваться их обаянию. То же самое относится и к отдельным, излюбленным в руководствах, фазам партии. Запомним, что ни приобретение тех или иных навыков, необходимых для удачного разыгрывания дебютов, ни усвоение тех или иных правил, способствующих успешному развитию и окончанию партии, нельзя еще назвать прогрессом в развитии шахматного дарования. Развитие без гармонии, без гармоничного роста всего нашего шахматного существа, это - ничто или, в лучшем случае, очень мало.

Конечно, весьма существенно, что тот или иной игрок силен в эндшпиле или, наоборот, в дебютах, что один из противников блестяще ловит другого на его самых незаметных ошибках, а тот, в свою очередь, обладает способностью распутывать наиболее сложные комбинации. Все это - весьма ценные и неотъемлемые индивидуальные качества. Но не более того. Мы же с вами должны стремиться к тому, чтобы всю партию от начала до конца проводить ровно одинаково хорошо и одинаково сильно. Для нас не должно существовать разобщенных приемов игры, которые подбираются один к другому по мере надобности.

Партия должна представляться нам своего рода гармоническим целым, некоторым единством, одинаково устойчивым во всех его частях. Лишь достигнув этого, мы можем сказать, что играем в шахматы. В связи с этим к именам о шахматах мы должны относиться с уважением, но и с осторожностью. С осторожностью в том смысле, чтобы не поддаться гипнозу их богатейшего материала. Для того, чтобы он не владел нами, а мы им, следует провести резкую грань между механической памятью и творческим воображением. Первая должна быть только подкладкой нашего внутреннего творческого усилия.

Знакомясь с приемами игры великих шахматных мастеров, мы не можем и не должны подражать им, копируя слепо и бессознательно их приемы. Не можем потому, что никогда не будем в состоянии пережить в каждом отдельном случае тот психический процесс, который породил тот или иной стиль ведения партии, не должны - потому, что в таком случае шахматы

превратятся для вас из игры в утомительную и бесполезную эксплуатацию памяти.

Рассмотрим теперь, как должны мы играть, чтобы наше дарование имело возможность непрестанно развиваться и совершенствоваться.

Если мы положим себе за правило играть каждый раз. Лучше, чем в предыдущий раз, разыгрывать дебюты с большей точностью, середину партии - с большей сознательностью, конец ее - с большей последовательностью - предвидеть возможные комбинации с более обостренной отчетливостью, - мы будем все выше и выше подниматься по ступеням трудной лестницы мастерства.

Важно воспитать в себе то внутреннее творческое усилие, нарастание которого даст нам возможность добиться в конце концов, достаточно серьезных результатов.

Затрачиваемое нами в каждый данный момент количество усилий постепенно переходят в качество их и это, конечно, будет впоследствии служить самым главным фактором в формировании нашего шахматного "я". Форсирование же это имеет тенденцию всегда располагаться по следующим восходящим ступеням:

1) манера, 2) лицо, 3) стиль, 4) большой стиль.

Познакомившись с правилами шахматной игры, в первый раз сев за доску с расставленными на ней фигурами и начав двигать эти фигуры в разных направлениях, мы (за вычетом исключительно редких случаев) - будем, конечно, бродить ощупью. Каждый данный момент, каждое новое, неизбежное выдвижение пешки или фигуры будут владеть нами, будут диктовать нам свои определенные и суровые условия.

Не раз мы будем чувствовать себя как пловцы в море, потерявшие парус и весла.. Но немного привычки, немного вживания и вчувствования в геометрическую сущность пространства доски, немного знакомства с функциями и удельным весом той или иной фигуры или пешки в тех или иных начальных, простых комбинациях - и мы обретем уже некоторую нить, поймем некоторые способы игры, некоторые тактические законы.

Наша индивидуальность изберет из всего раскрывшегося перед нами многообразия путей некоторые, наиболее удобные и целесообразные для нас. Сознательно идя по ним, и прилагая непрерывные и неослабные усилия к тому, чтобы постичь их и овладеть ими окончательно, мы приобретём известную личную манеру игры. Главная роль в ней будет принадлежать не нашей шахматной эрудиции, не нашей памяти и даже не творческому нашему воображению, а лишь инстинктивному чувству самосохранения, диктующему нам ту или иную тактику за доской. В этой стадии у нас еще не будет

целесообразного шахматного мышления, но уже будет тенденция к нему, тенденция бессознательная и в силу этого чрезвычайно сильная.

Приобретение той или иной манеры игры приведет нас к формированию нашего шахматного лица. Прогресс внутреннего усилия, соединенный с накопленным умением и приобретенной эрудицией, даст нам возможность сознательно проводить всю партию от первого хода до последнего, все меньше и меньше озираясь на чужие образцы. Лишь таким образом мы сформируем свое шахматное "я" и выберемся на широкий путь шахматного творчества.

Следующий этап - появление особого стиля в нашей игре. Стиль - это гармоническое сочетание всех приемов, всех ходов, взятых в их целостном, неразрывном единстве. В этой стадии партия окончательно предстанет перед нами как единый процесс мысли, чувства и воли, проектированный на доску с расположенным на ней узором фигур. Большой стиль - это предельное совмещение в шахматном "я" всего того, что было накоплено вами и близкими по своим данным к вам противниками и друзьями в области шахматной теории и практики, переработка всего этого на новых, всеобъемлющих началах, и полное, безраздельное подчинение себе всего материала вашего искусства.

За всем этим стоит накопление внутреннего творческого усилия. За всем этим стоит неперемное условие - мыслить партию не вариантами и отдельными ее составными моментами, а целостным процессом игры. Развитие без этого внутреннего вчувствования в общую конструкцию партии, без ясного ощущения ее целостного существа - не есть развитие.

Одно из требований последнего - это требование непрестанного накопления сознательности, которая является одним из величайших качеств всех больших мастеров шахматного искусства. Сознательность, иначе говоря, полное владение собою, уничтожение всех преград между мыслью и ее выполнением, наконец, строгое знание самого себя и учет творческих возможностей каждого момента - составляет сущность игры чемпиона мира Капабланки. В ней все перечисленные черты идут рука об руку.

Имея этот пример перед глазами, не будем делать ни одного хода без ясно намеченной и твердо осознанной нами цели. Бросим всякие надежды на то, что сделанный ход быть может вызовет к жизни на шахматной доске какую-нибудь комбинацию, неизвестный исход которой определит неясный исход всей партии. Будем стараться давать себе всегда ясный отчет в том, как и почему мы играем, будем стараться видеть до конца комбинацию прежде, чем пускаться на нее, не будем успокаиваться на том, что сделанное нами есть наилучшее. В последнем случае мы сильно рискуем попасть в сети шахматных штампов и остановимся в своем росте. Этот путь не приведет нас к достижению красоты в шахматной игре, которая заключается в глубине концепции, соединенной с гармоничным, экономным и целесообразным её

выполнением. Этим путем мы не придем также и к пониманию "души" современной игры - комбинации, которая в творчестве величайших шахматных мастеров возводится во вторую и третью степень сложности, вырастая из простейших приемов игры. Дав свободу внутреннему усилию, дав свободу сознательности, дав свободу воле к совершенствованию и установив надежный мост между нашим "я" и рукой, управляющей движениями фигур и пешек на шахматной доске, мы станем на путь подлинного и серьезного развития нашего шахматного дарования.

А. КУПЧИК - К. ТОРРЕ

1. d4 Kf6 2. c4 g6 3. Kc3 Cg7 4.g3 d5 5. cd K:d5 6. Cg2 K:c3 7. bc c5 8. Kf3 Kc6 9. Cb2 Фb6.

Этим ходом черные играют определенно на эндшпиль, полагаясь на силу своего следующего хода. дающего им весьма отчетливое преимущество.

10.Фb3 Ce6 11.Ф:b6 ab 12. a3 0-0 13. 0 - 0 Cd5.

Усиливая свое преимущество посредством размена единственной активной фигуры, белых.

14.Лfd1 Лfd8 15.e3 Ka5.

Угрожая переводом коня на c4. что совершенно задавило бы игру белых. Это вынуждает их допустить размен слонов, что позволяет черным прочно овладеть линией "d".

16. Kd2 C:g2 17. Kp: g2 e5.

В то время как белый слон совершенно скован, чёрный слон после этого хода становится еще активнее.

18. dc bc 19. Лab4.

Белым приходится считаться с возможностью, при случае, Л: d2 и Kc4.

19. ... f5 20. c4.

Освобождая своего слова, белые вынуждены приковать коня.

20. ... Лd3 21. Kpf1 Лad8 22. Kpe2 e4 23. C:e7 Kp:e7 24. Ла1 Kpf6 25. Kpe1 Kpe6 25. Kpe2 Л8d7 27. Kpe1.

27. ... b5.

Прекрасно позиционно разыграв партию и достигнув выигрышного положения, черные должны были тут продолжать просто Лс3. Вместо этого, они затеяли комбинацию, хотя и сознавали опасности ее. Здесь, вероятно, кроется причина того, почему великие мастера, Капабланка, Ласкер, Алехин, проигрывают так мало партий. Не обращая внимание на мнение других мастеров, они редко делают ходы против собственного убеждения.

28. cb c4 29. Лас1 c3 30. Кf1 Кb3 31. Л:d3 Л:d3 33. Лс2 Кpd5 33. g4 Крс5 34. gf gf 35. Кg3 Кр: b5 36. К:f5 Кра4 37. Кg3 Кd2 38. Кpd1.

Игра была очень трудной в течение последних 10 ходов, но сейчас белые делают удивительную ошибку, допуская открытый шах.

38. ... Кf1+ 39. Крс1 К:f3 40. hg Кр:a3 41. Ле2 Крb3. Белые сдались.

В самом деле, черные, сыграв Лd6, перебросят ладью на линию "a" или "h" и затем проведут пешку в ферзи.

Если эта партия чему-нибудь учит, то лишь тому, что мы должны быть строги к понятию красоты в шахматах. Мы должны стараться обуздывать в себе стремление к форсированию партии блестящими ходами, ибо разгул его может затормозить или вовсе изуродовать шахматное дарование. И тем самым легко может превратиться в нелепость то, что по существу должно быть красотой.

Роман Василевский

Мексика, полуостров Юкатан, город Мериде, расположенный неподалеку от всемирно известного центра древней цивилизации - Чичен-Итцы.

В преддверии Нового года здесь состоялся крупный международный турнир, посвященный памяти Карлоса ТОРРЕ (1905-1978).

Имя мексиканского гроссмейстера навечно вписано в историю шахмат как автора знаменитой «Мельницы», комбинации, позволившей ему одержать блистательную победу над экс-чемпионом мира Эм.Ласкером на Первом московском международном турнире 1925 года.

После победы на турнире в Чикаго судьбе угодно было испытать психику мексиканского шахматиста. По свидетельству историков, в один день Торре получает два письма. В первом - ему отказали в должности шахматного преподавателя в столичном университете, во втором - его невеста сообщила, что вышла за другого. У Карлоса случился нервный срыв. Он вернулся в Мексику, устроился на низкооплачиваемую работу и навсегда оставил шахматы. Последние 50 лет жизни провел в психиатрической лечебнице. В 1977 году Карлосу Торре, «имея ввиду его прежние заслуги в шахматном искусстве (удивительная, если не единственная, формулировка. - Р.В.), ФИДЕ присвоила звание международного гроссмейстера».

Известно, что в начале 20-х годов Карлос убедительно выигрывает несколько американских турниров и отправляется в европейское турне. Он сыграл лишь в трех турнирах (Баден-Баден, Москва и Мариенабад), где показал достойные для дебютанта результаты. Эм.Ласкер говорил, что «первые шаги Торре - это шаги чемпиона мира». В трех европейских состязаниях мексиканец с редким постоянством применял один и тот же вариант 1.d4 Kf6 2.Kf3 e6 3.Cg5, который носит теперь его имя. Карлос был натурой тонкой и артистической. Он ценил логику и красоту шахмат, но ему явно не хватало агрессии, необходимой для того, чтобы пробиться наверх. И до сих пор К.Торре остается сильнейшим шахматистом Мексики за всю ее историю.

- See more at: [http://russian-](http://russian-bazaar.com/ru/content/4625.htm#sthash.W3HerNC0.dpuf)

[bazaar.com/ru/content/4625.htm#sthash.W3HerNC0.dpuf](http://russian-bazaar.com/ru/content/4625.htm#sthash.W3HerNC0.dpuf)

Евгений Загорянский

ВЕЧНАЯ МЕЛЬНИЦА

Я был человеком с крючком. Можно ли назвать пятнадцатилетнего человеком? Пожалуй, можно. Безусловно, можно, если пятнадцатилетний делает то, что ничуть не лучше делал бы на его месте тридцатилетний.

Работа выполнялась одинаково, но разве одинаковы были затраты сердца? Если вам пятнадцать лет и вы влюблены в шахматы первой любовью, разве можно вас сравнивать со взрослым?

Взрослый передвигает крючком фигуру на доске. Он бесстрастен, он закален жизненным опытом. Вся его повадка показывает, что за качество хода он не отвечает. Играет не он, играет мастер, а взрослый – лишь передатчик его мыслей. Он

холоден.

А если вам пятнадцать лет, если играет ваш кумир? Вы видите, что он ошибся, что он сейчас проиграет пешку и партию, «о вы обязаны быть невозмутимым, как взрослый. Вы передвигаете фигуру, вы проигрываете вместе с ним, но вам нельзя даже покачать головой.

– Нельзя гримасничать! – скажут, заметив малейшую эмоцию на огорченной вашей морде Валериан Евгеньевич Еремеев или Григорий Лазаревич Раскин. И что тогда?

Вам скажут, что завтра вы можете не приходиться.

Ваш крючок отдадут другому. Вы никогда больше не пройдете в гостиницу «Метрополь» по служебному входу, не услышите плеска фонтана в турнирном зале. Без вас сядет за столик оливково-смуглый, невероятно обаятельный дон Хозе-Рауль Капабланка-и-Граупера. Вы ее увидите, как он лениво откинется на спинку стула, приветливо улыбнется партнеру и небрежно сделает первый ход...

Нет, этого пережить нельзя.

Ужасная угроза воспитывала в мальчишке силу духа и выдержку. Он быстро выучивался бесстрастию.

Они вообще были заняты, мальчишки этих неповторимых лет. Ветер недавней победоносной революции еще шевелил их перышки. Они ощущали себя гражданами мира и верили, что миру они необходимы. Они не всегда ели досыта, но готовы были простоять в очереди ночь, чтобы попасть на вечер Маяковского в Политехнический музей или на «Дни Турбиных» в Художественный.

Они носили протертые на локтях толстовки, презирали галстуки и гордились этим.

Они твердо знали уже тогда, что с их земли уйдет в космос первый межпланетный корабль.

Позднее, когда за такую веру потребовалось умирать, они сумели сделать и это.

Молодая республика отбилась от врагов и наводила порядок в культурном хозяйстве. В шахматной кладовой не оказалось почти ничего. Сильнейшие русские шахматисты сбежали, они представляли теперь различные буржуазные страны. Как мы ненавидели и презирали их тогда!..

В кладовой остался десяток мастеров с дореволюционным титулом да горсточка странных людей, которые при каганцах и лучинках, во тьме и голоде великой разрухи не потеряли любви к шахматам и веры в них.

Надо было посмотреть и проверить: умеют эти люди играть?

Способны они выучиться, если не умеют? Смогут ли они стать тем зерном, из которого вырастет будущее?

Умные, глубокие люди задумали и осуществили Первый московский международный турнир 1925 года. Когда замысел был осуществлен, сами организаторы изумились. Кто мог предвидеть этот невероятный резонанс? Чтобы вместить всех жаждущих попасть на турнир, надо было устроить его не в «Метрополе», а в Термах Диоклетиана или лондонском соборе Святого Павла.

Бесконечными потоками движутся жаждущие. Мужчины и женщины, молодые и старые. И подростки, подростки. Инженеры, артисты, хозяйственники, военные. И рабочие, рабочие, рабочие... Кто мог подумать, что их будет так много?

Кто бы с кем ни играл, с первой минуты до последней набит до отказа турнирный зал.

А за бархатным малиновым канатом вокруг лепечущего фонтана сидят сосредоточенные небожители.

Их много, они делятся на несколько рангов. В самом первом – Капабланка, чемпион мира. Никто еще не знает, что гордый титул ему осталось носить всего два года. Он весел и любезен, бархатные глаза его скользят по публике, задерживаясь на женских лицах. В турнире он стоит не так уж хорошо, но... не все ли равно? Стоит ли из-за этого портить себе жизнь? Глядя на него, начинаешь верить, что он ничуть не огорчен, не раздосадован и даже не думает о том, как улыбнется над его проигранными партиями страшный соперник там, в далеком Париже... Он – Капабланка, он может позволить себе все, даже роскошь неудачи. Зато при встрече с лидером, с первым призером, он жертвует фигуру в дебюте и разносит его, как щенка. И десять лет спорят потом аналитики: корректна была жертва или некорректна?

В том же ранге – ничуть не ниже! – железный экс-чемпион доктор Эммануил Ласкер. Коренастая, широкоплечая фигура. Небольшой рост подчеркивает огромные размеры головы, сидящей на короткой шее.

Голова эта выразительна, как скульптура Родена. Объемистый череп покрыт густой, лохматой гривой серо-стального цвета, кое-где с черными прядями. Огромный, изборожденный глубокими морщинами лоб. Зеленовато-карие зоркие глаза прикрыты тяжелыми веками. Один глаз заметно больше другого.

Горбатый нос придает сходство с птицей. Это очень мудрая птица, старая, волевая и, пожалуй, хищная.

Нижняя часть лица непропорционально коротка, точно срезана. Вероятно, поэтому Ласкер носит короткие густые усы. Из-под них торчит знаменитая сигара, о которой столько

писали журналисты. Движением крепкой, выпирающей челюсти Ласкер перекладывает сигару из одного угла рта в другой.

Ласкер немногословен. Он не только многолетний чемпион мира по шахматам, он доктор математики и доктор философии. Он карточный игрок мирового класса. Он сделал смелую попытку математическим анализом вскрыть «законы полосы», установить закономерности в смене везения и невезения, которые так хорошо известны каждому игроку, но никем еще не сформулированы.

Что нового могут сказать люди такому человеку? Доктор молчалив.

Он так и умер непонятым. Он написал книгу о карточных играх, построенную на новой трактовке теории вероятностей. Его подняли на смех. Его обругали. Но вот прошло сорок лет, наступила эпоха

кибернетических машин. Американский математик Норберт Винер пишет о машине, играющей в шахматы.

Поясняя ее основы, Винер ссылается на работы другого ученого, немца фон Неймана, создавшего математическую «теорию игр». Я не знаю промежуточных звеньев этой цепи, но некоторые положения Ласкера фон Нейман рассматривает как аксиомы...

В первом ранге больше нет никого.

Чуть ниже – большая, многочисленная группа.

Они не были чемпионами мира, и ореол этого звания не пьянил наших мальчишеских голов. Но каждый из них не только великий шахматист: он еще и эпоха в истории шахмат.

Иногда это их прошлое. Вот сидит точно окаменевший за доской Акиба Рубинштейн. Его тяжелое лицо кажется вылитым из бронзы, он похож на индийского идола. Какие глубочайшие замыслы роятся за этим низким широким лбом?

Немного лет назад Рубинштейн был вторым шахматистом мира. Неясно было даже, кто сильнее: он или Ласкер.

Теперь это ясно. Страшная сила Рубинштейна стала падать, он уже не тот. Быть может, поэтому и залегла в углах

опущенного рта та же горькая складка, что на эллинских трагических масках? По-прежнему шахматы для Рубинштейна – все. Если вы подойдете к нему и спросите: «Как вас зовут?» – он подумает и ответит равнодушно, не удивляясь вашему вопросу.

Но если вы спросите, как сыграл на шестнадцатом ходу Форгач против Каро в Бармене в 1888 году, он ответит мгновенно и безошибочно да еще удивится, что вы не знаете

такой элементарной вещи.

Бедный, великий Акиба Рубинштейн! Ни с кем, пожалуй, не были шахматы так жестоки, как с ним. Такова участь всех безумно любящих.

А вот Фрэнк Маршалл, лохматый, горбоносый, похожий на белокурого индейца. Почему-то на всех фотографиях он изображен жгучим брюнетом с артистическим бантом на шее. Но все это неправда, кроме банта. Маршалл светловолос. У него длинные светлые ресницы, прикрывающие быстрые серо-голубые глазки. Он невероятно длинноног и непоседлив, но за доской может сидеть часами не шевельнувшись. Маршалл стар, но он сохранил свою силу, в Москве его ожидает высокое призовое место. Но все же и он – прошлое шахмат.

А вот и будущее. Улыбаясь, идет навстречу полный кудрявый Рихард Рети. Такой нежной, лукавой улыбки нет больше ни у кого. Ему тоже осталось недолго жить, хоть он и молод. Как это глупо, умереть от скарлатины в сорок лет, потому что еще не было пенициллина! И кому – Рети, чудесному Рихарду Рети... Человеку, который никогда не помышлял о шахматной короне – и оставил в шахматах такой глубокий след, какого не оставили многие чемпионы мира

Фред Ятс, сильнейший игрок Англии. Когда он сидит за доской, он импозантен. Сухая, типично английская голова над высоким крахмальным воротничком оксфордского денди. Очки в тонкой золотой оправе, безупречный пробор с левой стороны головы.

Достаточно ему встать, как все меняется. Ятс оказывается мал ростом и щеделушен до крайности. С крахмальным бельем не вяжется старенький пиджачок, печально поблескивающий на локтях и спине. Да и породистое лицо при ближайшем рассмотрении оказывается лицом немолодого скромного человека, удрученного материальными горестями. Тихому Ятсу также не суждено жить долго. Он умрет в Лондоне от недоедания – профессиональной болезни западных шахматистов, не ставших чемпионами. Так умер и Шлехтер и многие другие

А кто этот круглолицый толстяк, рысью бегущий навстречу? Эге, да это же первый призер, счастливый победитель великого турнира! Это Ефим Дмитриевич Боголюбов, киевский попович, русский гроссмейстер, германский подданный. Знаем, Ефим Дмитриевич, всё знаем. Вы женаты на немке,

ваши дети выросли немцами.

Вас выбрали гласным думы славного города Триберга. Вы сделали отличную карьеру, и фатерланд оценил ваши заслуги. Его высокопревосходительство рейхсминистр доктор Геббельс возвел вас в сан государственного тренера Германии.

Но это все гораздо позднее. В 1925 году вы, Ефим Дмитриевич, еще не успели отказаться от советского подданства. Вы приезжали к нам, учили наших шахматистов и сами учились у них. Давайте скажем прямо: успех в Москве, наивысший успех вашей жизни, был вами достигнут потому, что вы хорошо знали советских участников и сумели сыграть с ними отлично. Вы проиграли Капабланке и Рети, но не проиграли никому из советских мастеров. А Капабланка проиграл Ильину-Женевскому и Верлинскому, Ласкер – Левенфишу, Торре – Романовскому... Наши мастера убрали всех ваших конкурентов.

Надо быть справедливым. Вы хорошо играли тогда в шахматы. Не так хорошо, как считали вы сами, но энергично, напористо, смело... Что же делать, вы окончили киевскую шахматную школу, это остается на всю жизнь.

Вы нарастили хорошую технику, играя в сотне международных турниров. Своей школы вы не создали, для этого вам всегда не хватало глубины. Но теорию вы знали здорово, и практическая сила у вас была. Вы дважды пробовали ухватиться за звание чемпиона мира... но об этом для вас же лучше не вспоминать.

А вот наш собственный, мальчишечий кумир. Он совсем маленький, не выше любого из нас. У него бледное личико, на котором черные роговые очки кажутся громадными. Он необыкновенно учтив и робок.

В любую дверь он входит последним, пропуская вперед всех. Он конфузливо заслоняется от фотографов, не дает интервью журналистам. Он немножко косит правым глазом, и от этого еще усиливается общее впечатление нерешительности и робости. А за шахматной доской у этого тихого юноши оказывается сердце льва! Милый, бесстрашный Карлос Торре, сколько радости подарили вы нам тогда!.. Как переживали мы вашу яркую, безрассудно-смелую, азартную игру! Как желали вам успеха в борьбе с вельт-мейстерами! И вы не обманули наших надежд, вы набрали против них полтора очка из двух, изумительно уйдя из рук великого техника Капабланки. Мы аплодировали вам от души, беззаветно.

Но есть другие чувства, более важные и более сильные, чем спортивные симпатии. Когда Петр Арсеньевич Романовский

разнес белыми в испанской партии Карлоса Торре, мы не просто радовались, мы были счастливы. Наш кумир проиграл, проиграл с треском. Но это значило... Да стоит ли перечислять? Это значило бесконечно много, и всем понятно, что это значило.

Когда высокий, нервно поправляющий пенсне Левенфиш выиграл у Ласкера знаменитый ладейный эндшпиль; когда милейший энтузиаст, всеобщий любимец Ильин-Женевский в острой позиции переиграл Капабланку, мы испытывали то же самое. Тут уж дело было не в симпатиях: нами владело то чувство гордости за молодую Советскую республику, которое определило всю нашу жизнь, все ее надежды, само наше существование...

Все это было тридцать пять лет назад. Но если даже я проживу еще триста пятьдесят, и то я не забуду одной партии из двенадцатого тура. Эта партия в значительной мере определила мою жизнь, и, по всей вероятности, не только мою.

Турнир вступил во вторую половину. Боголюбов вел, ближайшим был Ласкер, отстававший на пол-очка. Торре держался на пол-очка позади Ласкера, а Капабланка еще не начинал своего финишного броска и держался в отдалении, на пятидесяти процентах. Две партии советским мастерам он успел проиграть.

В двенадцатом туре лидеру сильно подвезло: Левенфиш имел против него отличную игру, отказался от вечного шаха, уже стоявшего на доске (два повторения Левенфиш сделал, но от третьего гордо уклонился), и... проиграл в несколько ходов грубой ошибкой. Боголюбов получил подарок, и казалось, что его лидирующее положение в этом туре колоссально укрепит: ведь два его основных конкурента, Ласкер и Торре, играли между собой. При ничьей Боголюбов уходил вперед и повел бы турнир оторванно.

Торре играл белыми и, как обычно, разыграл дебют Колле. Ласкер, по-видимому, был настроен миролюбиво. Он не стремился к обострениям, а поставил хорошую, крепкую позицию и не без интереса наблюдал за потугами мексиканца. Казалось, под усами старого чемпиона таится чуть заметная усмешка.

А Торре все искал путей к атаке на короля. Не боясь ослабить собственную позицию на ферзевом фланге, он начал перебрасывать все фигуры на королевский.

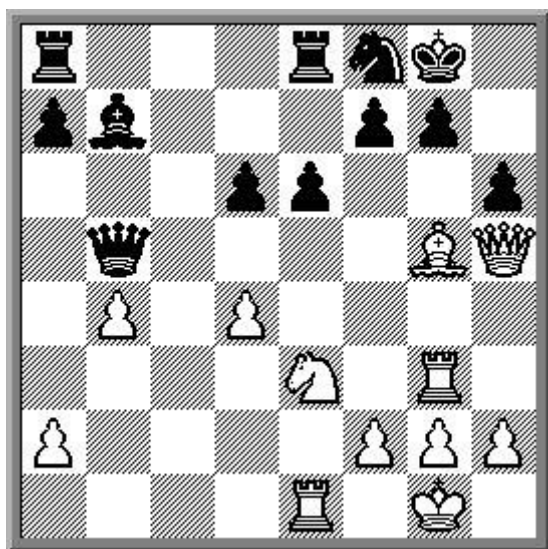
Ферзь, ладья, слон и конь уже были подведены к месту, но черный король был защищен надежно, его пешечный заслон был в целости и сохранности. У Торре не было здесь пешки, которая могла бы таранить позицию короля. Он вел чисто фигурную атаку, создавая одну за другой прямые угрозы, которые Ласкер отражал экономично и тонко.

Достаточно было маленькой неточности белых – и черный ферзь с большой силой вошел в игру. Атакующий белый конь был разменан, а позиция на ферзевом фланге стала для Торре критической. Казалось, защита восторжествует.

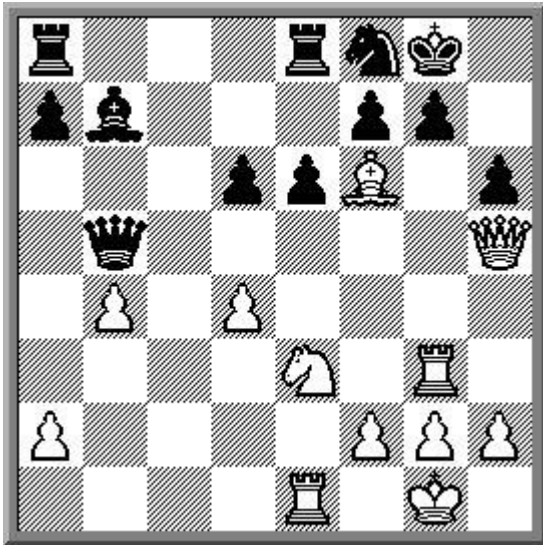
Торре пожертвовал пешку, чтобы отклонить ферзя с пятой горизонтали, но Ласкер не принял жертвы.

Его ферзь отошел по пятому ряду, еще больше укрепляя королевскую позицию. Мало заметный ход пешкой вызвал белых на объяснение: предстоял размен ферзей, а с ним исчезли бы все шансы на матовую атаку. Торре ответил неожиданным ходом, вводя в игру второго коня взамен размененного.

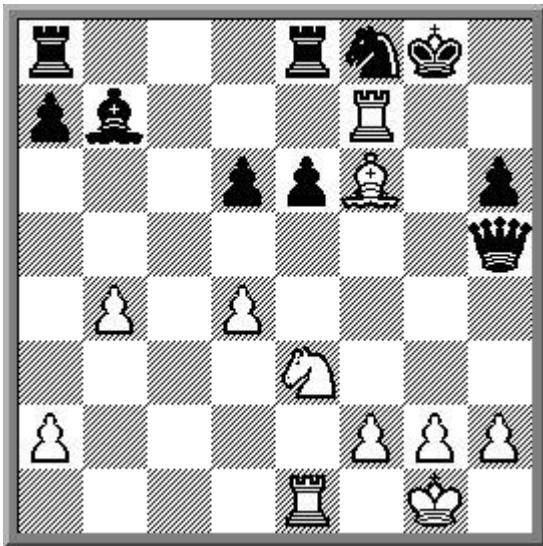
Здесь старый чемпион допустил первую и единственную неточность. Вместо того чтобы разменять несколько фигур и перейти в примерно равный эндшпиль, он вновь отошел ферзем по пятому ряду, полагая, что размен от него не уйдет.

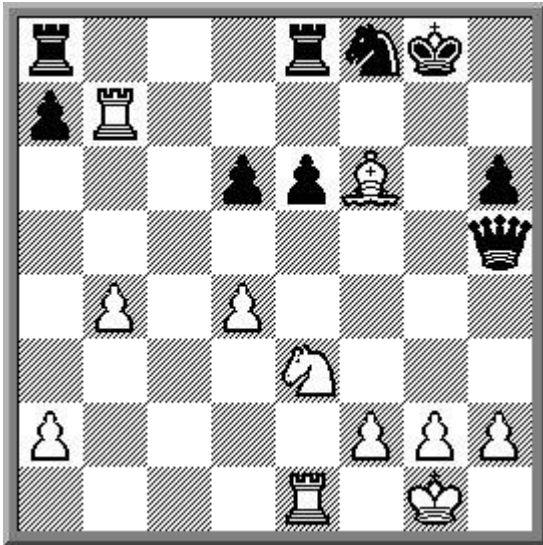
И здесь случилось то, от чего на мгновение замерла, а затем загудела тысячная толпа: Торре пожертвовал Ласкеру ферзя. Не за фигуру, даже не за пешку. Открывая ферзя, он напал слонем на черную пешку, которая уже была под ударом ладьи. Ничем не защищенный белый ферзь остался стоять «а пятой горизонтали под ударом незащищенного черного ферзя. Отойти было некуда

Ласкер побил ферзя ферзем, почти не думая. Белая ладья побила пешку с шахом, и черный король отошел в угол – на единственное поле, которое у него оставалось. Это поле простреливалось белым слоном, любой отход белой ладьи получался теперь со страшным «вскрытым» шахом. Раз! Ладья побила пешку, и король повернулся на белое поле.

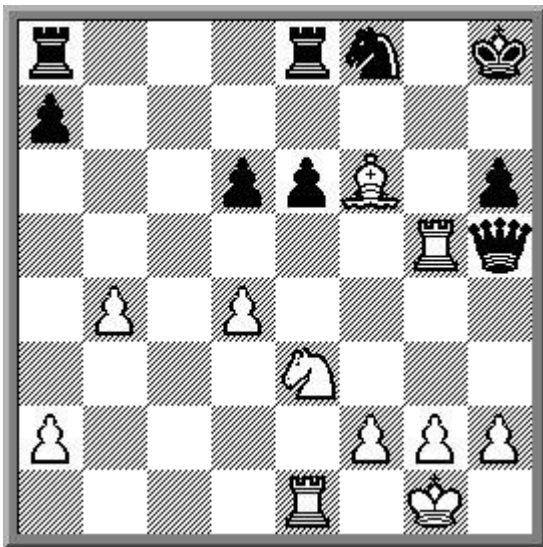

Шах ладьей – король снова пошел в угол. Два! Вскрытый шах, и погиб черный слон, а королю опять пришлось вернуться на белое поле.

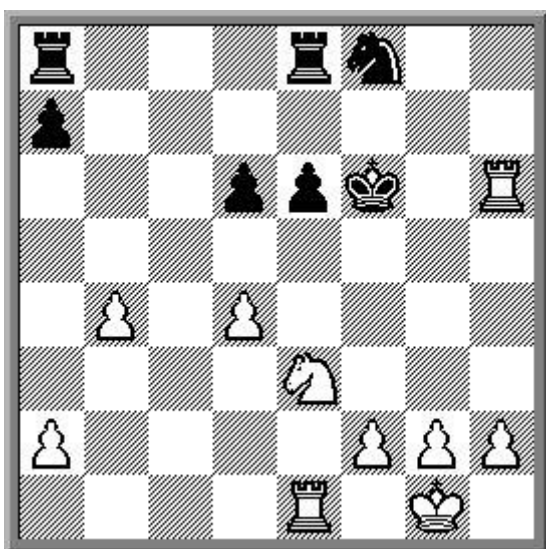
Это была знаменитая «мельница» – комбинация, которая встречается крайне редко, а в партиях чемпионов– почти никогда. Три!..

Белая ладья работала, как паровой молот. Закончив истребление всех фигур по седьмому ряду, она перешла на вертикальный шах и отыграла пожертвованного ферзя.

Слона при этом пришлось отдать, но в получившемся эндшпиле у белых при равенстве фигур остались три лишние пешки.

Ласкер опустил на руку массивную голову и, казалось, задремал. Машинально сделал он еще несколько ничего не меняющих ходов. Затем он вздохнул, остановил часы и протянул Торре руку через стол. Мексиканец вскочил и обеими руками схватил крепкую короткопалую руку Ласкера. На глазах у него были слезы, он быстро говорил что-то по-испански.

Публика неистовствовала, мастера улыбались и качали головами. Они-то понимали, что произошло. При них была создана одна из бессмертных комбинаций, такая, которая будет жить столько же, сколько сами шахматы. Она будет печататься сотни раз, переходя из учебника в учебник, из статьи в статью. Она приведет к шахматам тысячи новых поклонников, ее будут помнить наизусть миллионы и десятки миллионов...

Интересно, понимал это тогда Торре? Ласкер понимал. Он взял противника под руку и увел в судейскую, пока судьи тщетно пытались успокоить безумствовавшую толпу. И мы, мальчишки, тоже были потрясены. В эту минуту ощутил я с беспощадной ясностью, что без шахмат жизнь моя будет жизнью жалкого неудачника, что я просто не могу оторваться от них...

Ночью мне не спалось. Я задремал под утро. Ласкер и Торре сидели вдвоем в огромном пустынном зале. Стены его были покрыты материей странного, лиловато-голубого цвета, которая слегка колебалась, как море в предзакатную зыбь.

Ласкер и Торре говорили по-русски. Меня там не было, но я слышал каждое слово.

Ласкер улыбался, хотя раньше я никогда не видел его улыбающимся.

– Вы не любите меняться, мой мальчик, – добродушно говорил Ласкер. – Вы ушли слоном домой, на с1, только бы уберечь его от размена. Вы часто так делаете?

– Часто, доктор. Я готов пожертвовать темпом, чтобы не упрощать игру. В конце концов при наличии живой фигурной игры один темп можно сбалансировать довольно быстро... И пешку тоже. Все зависит от позиции, нет правил без исключения.

– Правила тем и хороши, что обязательно предусматривают исключения, – кивнул Ласкер.

– Конечно! Разве можно победить сильного шахматиста, руководствуясь одними лишь правилами, пусть даже самыми бесспорными? Конечно, нет! Рети сказал совершенно верно: исключения всегда интереснее правил; ими и следует заниматься!..

– Хорошая формула. Я старше вас на сорок лет, Карлос. В свое время мне часто удавалось добиться победы, предоставив противнику то, что ему казалось преимуществом...

– Казалось или было, доктор?

– А разве разница так значительна? Шахматы не укладываются ни в простую логику, ни в арифметику. Если считать их геометрией, то они ближе к Лобачевскому, чем к Эвклиду. Если физикой – то к физике Эйнштейна и Планка, а не Ньютона. Действительное преимущество или мнимое – это не так уж важно. Гораздо важнее то, что ваш противник начинает играть так, будто преимущество у него есть. Он начинает играть резко, «на выигрыш». Тут-то его и надо ловить. Особенно хорошо это получается в переходных фазах партии, вы заметили?

– При переходе из дебюта в миттельшпиль или из миттельшпиля в эндшпиль?

– И тут и там, в равной мере. Тогда, когда игрок должен менять план, создавать новый. Надо заставить его мыслить самостоятельно. Это труднее всего для большинства людей. Рассчитывать умеют все, а мыслить – лишь единицы.

– Но техника расчета неуклонно идет вперед, доктор. Раньше этого не умели.

– Ну, нет! – фыркнул Ласкер – Старик Стейниц умел сосчитать комбинацию не хуже нас с вами. Но он любил рассчитать ее насквозь, до последнего варианта. Вы же создаете позиции,

где детальный расчет невозможен. Вы комбинируете интуитивно, добровольно идете на опасность просчета. Вы рискуете сами и заставляете идти на риск противника.

– Вы правы, доктор. Интуиция – мое любимое оружие, а разумный риск – рабочий прием.

– Вы обхватываете противника и бросаетесь в пропасть с ним вместе, твердо веря, что он окажется внизу...

– Немножко сильно сказано, – улыбнулся Торре, – но похоже на правду...

– У вас будут последователи, Карлос. Вы на правильном пути. Лет через тридцать все ведущие шахматисты мира будут играть так. Он этого не понимает. – Ласкер насупился и показал большим пальцем через плечо на столик Капабланки, – не понимает... но тот, в Париже, понимает отлично. Песенка кубинца спета. Ведь если он прав, шахматы пора сдавать в архив. Но мы-то с вами знаем, что это не так!..

– Конечно, не так, доктор! – пылко сказал мексиканец. – Шахматы не могут умереть. Мы можем болеть, умирать, сходить с ума. Но шахматы бессмертны. Они идут все выше, и творчество умерших участвует в этом подъеме. Их мысли ложатся, как кирпичи в основание башни. И здание поднимается.

– А я и не боюсь смерти, меня не надо утешать. Все идет правильно. За нами придут другие, они сделают все, что нужно. И вернее всего, Карлос, они появятся здесь, в Москве.

– Весьма вероятно. Нигде я не видел таких бесчисленных толп, такого творческого экстаза...

– Вчера, – усмехнулся Ласкер, – четырнадцатилетний мальчонка выиграл у Капы в сеансе. Капа был взбешен, он улыбался с большим трудом. А таких мальчиков здесь много.

– Вы думаете?

– Я это знаю. Посмотрите на этих, с крючками. Посмотрите на их глаза. Если не они сами, то дети их наверняка будут играть лучше всех в нашем маленьком и тесном мире... Но, может быть, мир к тому времени раздвинется?..

Видение заволклось полупрозрачной дымкой. Стены заволакивались сильнее, я увидел, что вдоль них, как солдаты, стоят юноши с крючками на плечах. Их было много, десятки. Приглядевшись, я начал узнавать знакомые лица. Вот этот высокий, чуть сгорбленный, со сросшимися бровями под невысоким лбом. Николай Рюмин, чемпион Москвы. Здравствуй, Коля! Тебе не повезло, ты не стал чемпионом мира. Кроме гениальности, у тебя были куриная грудь и туберкулез легких, а твой главный соперник

был крепок, как молодой дубок.
Ты рано умер, Коля, и не участвовал в борьбе за мировое первенство. А жаль!
А вот этот голубоглазый, похожий на деревенскую девочку? Белавенец, тоже чемпион Москвы, тоже сильнейший, непробиваемый мастер. Тебя убили немцы под Москвой, Сережа, ты тоже не успел многого. Сейчас твоя дочь – одна из лучших шахматисток города.

Вот они стоят тесной шеренгой: сдержанный Илюша Кан, мелкокурчавый Миша Юдович... Ага, и ленинградцы здесь! Ржаной чуб Володи Алаторцева спускается на упрямый лоб. Гордо торчат очки и нос Виталия Чеховера. Хитро щурится Слава Рагозин, ныне гроссмейстер и вице-президент ФИДЕ. Румяненький Жоржик Лисицын суетливо оглядывается. А вот белобрысый Всеволод Раузер, «е4 и выигрывают»... Разве мало сделали они все?

А этот серьезный мальчик в очках, стоящий чуть в стороне? Он моложе всех, но ему суждено было сделать всех больше. В день выигрыша в сеансе у Капабланки его портрет появился в газетах впервые. Сколько миллионов его портретов напечатано с тех пор во всех газетах мира?
А там, в глубине, за первой шеренгой идут вторая и третья. Тысячи юных голов мелькают в голубом мареве колышущихся стен.
От мерной поступи рушатся стены, и яркий рубиновый свет загорается над пустынным залом.
Сон кончился. Я вспомнил, что мне скоро пятьдесят. Но я был мальчиком в дни незабываемого турнира, когда все мы заболели шахматами «а всю жизнь». Не будь «а свете тех мальчиков, не было бы и сегодняшних, не было бы Талей и Спасских.
Когда придет время, наше шахматное поколение может умирать спокойно – оно прожило не напрасно.
За двадцать коротких лет была создана советская шахматная школа, завоевавшая все виды мировых шахматных первенств на многие поколения.
Мальчишки 1925 года заложили фундамент этой блистательной победы.
Все в этом мире имеет свою обратную сторону. Бывшие мальчишки с крючками стали мастерами, повернули по-своему историю шахмат. Но и шахматы повернули по-своему течение их жизней.

Автор стал писателем поздно, к сорока годам.
Первое, чем ему захотелось поделиться с людьми, оказались его шахматный опыт, шахматные встречи, шахматные чтения, споры и раздумья.
Для того и была написана книга шахматных рассказов "Большая игра"

на стр. 425 из *Оксфордский компаньон к шахматам* Д. Хупер и К. Whyld (Оксфорд, 1992):

‘В Чикаго позже в этом же году, как раз перед последним раундом чемпионата Западной (в которой он привязал за второе место), Торре получил два письма одинаковых сообщения, одно о том, что его не получить преподавательскую должность из-за отсутствия академических квалификаций, а другой от его невеста сказав, она вышла замуж за кого-то другого. Он перенес нервный срыв, вернулся в Мексику в конце года, приняли плохо оплачиваемую работу в аптеку, и играл не более серьезные шахматы.’

В 1999 году, я работал с Гэбриел Веласко на английскую версию своей книги вида Partidas Y в Торре-де-Карлос (Мехико, 1993). Она была опубликована как в жизни и игры Карлоса Торре (Милфорд, 2000). В моей роли в качестве переводчика/редактора я естественно по сравнению Веласко работы с другими источниками, в том числе запись на Торре в Оксфордский компаньон к шахматам. Я впервые заметила мелкие ошибки в компаньона аккаунт: 1926 Чикаго турнир, на котором эпизод из писем якобы произошел не "Западный чемпионат". Турнир, в котором Торре играл

Эдвард Ласкер был чикагских мастеров. См. стр. 111 в сентябре-октябре 1926 американский Шахматный Бюллетень.

Более существенное различие заключается в том, что супруг сказка из эмоционально болезненного письма, которые якобы получили Торре прежде чем его игры с Ласкером отсутствовало из Веласко счет. Когда я спросил его об этом, он выразил мнение, что письма никогда не существовало. Он указал на два больших невероятностями: один, что Мексиканское правительство предоставит финансовую поддержку шахматистка, и два, что Торре, кто не отметил для романтических отношений с женщинами, будет нанято.

Веласко также указал, что Филиберто Террасас' роман Эль агила caída, написанная в 1962 году и основанный на Торре жизнь, Избранные письма, истории видное место. Веласко рассматривать эту книгу как фантастику больше, чем биография, и этот эпизод из писем как одной из его романтических украшений. И я был поражен тем, что Террасас' Повесть о горе тесно зеркальные другой беллетризованной биографии, Фрэнсис Паркинсон Кейс' шахматистов (1960), основанный на жизни пола Морфи, в котором отказался от предложения руки и сердца, способствует Морфи ухода из шахмат. Поэтому, перед обсуждением с V Торре-Ласкер игра в жизнь и игры Карлоса Торре мы добавили прохождение весьма скептически буквы " существование (см. стр. 281).

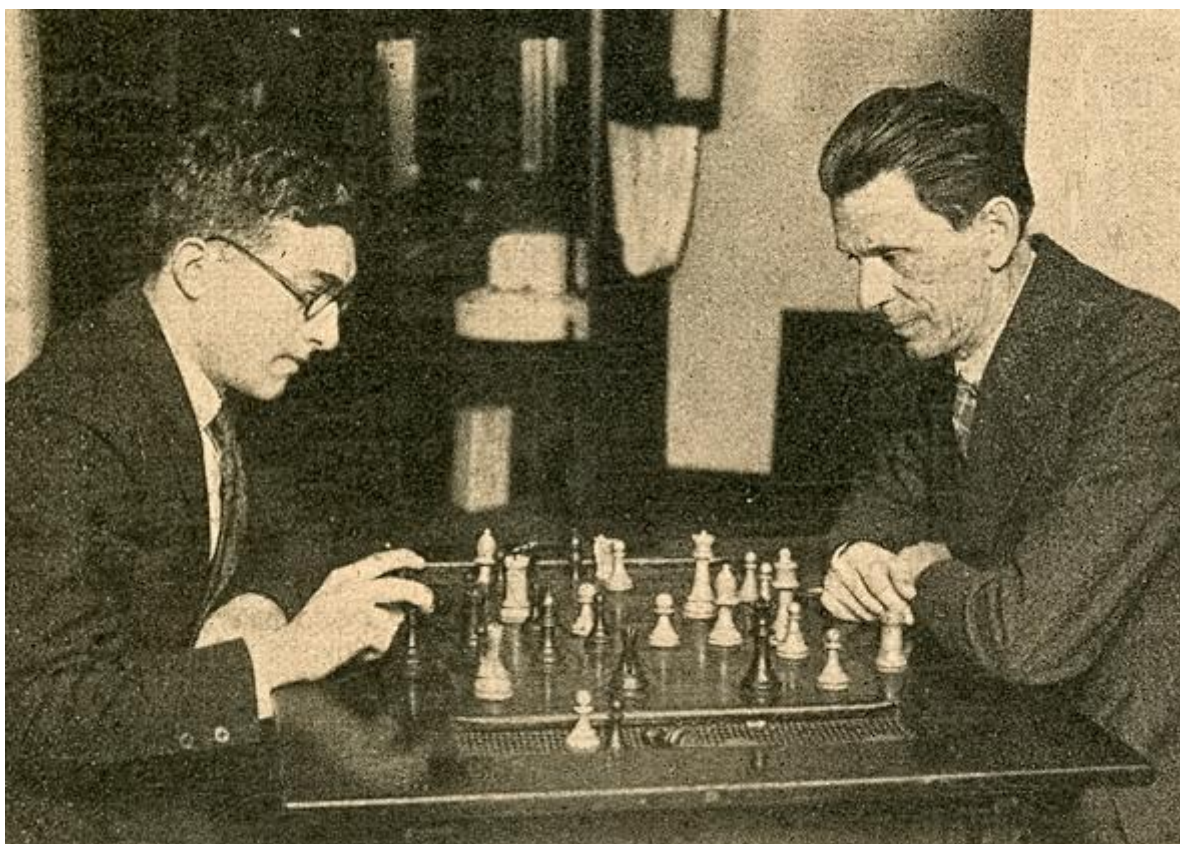
Это, пожалуй, жаль, что Веласко не задать Торре обо всем этом в своем интервью 1977, но там Торре заявление, "после турнира в Чикаго, в 1926 году, мое здоровье было нарушено из-за диетических трудности. По сути, я перенес нервный срыв." (См. стр. 292 из жизни и игры Карлоса Торре.)

Я спросил Кеннет Whyld какие источники он использовал для Торре запись втоварища. Сначала он был не в состоянии предоставлять конкретику, заявив, что около 20 различных источников, некоторые противоречивы, и, что это была вечная проблема для энциклопедист знать что верить. В дальнейшей переписке, тем не менее, он упомянул источник, что не только упомянутые письма, но даже дал имя предполагаемой неверующих невеста: Сусанна. Писатель этой информации? Гэбриел Веласко себя.

А происходит вот что: Веласко начал работать над своим Торре книга в 1970-е годы. Он посоветовался Whyld в то время о возможности английского издания, даже посылая ему рукопись. На этом раннем этапе его исследования, Веласко считает Террасас' история письма и бросившего невесту, и относился к ним как то в его ср. Whyld тогда воспринял это как авторитетный источник. К тому времени Спутник был опубликован, Веласко и Whyld были не соответствующие, так Whyld никогда не узнал Веласко-это изменение ума, пока я не связался с ним в 1999 году.

Мне подтвердили все это недавно с Веласко. На 18 сентября 2008 года он написал мне:

“Я считаю *Оксфордский компаньон* счет ложного, с учетом показаний которых было сказано прямым мне покойный декан шахматам в Мексике, Алехандро Баез Graybelt, кто был наиболее надежный источник для всего, что касается Торре жизни. Сеньор Баез заверил меня, что эта история была всего лишь выдумкой, или, как назвал его однажды, рассказ типичного романа в мягкой обложке романа”. Что такое истина, конечно, заключается в том, что Торре случился нервный срыв, вернулся в Мексику в конце года, приняли плохо оплачиваемую работу в аптеку, и играл не более серьезные шахматы.”’

Карлос Торре и Геза Maróczy, Чикаго, 1926 (*американский Шахматный Бюллетень*”, Ноябрь 1926, стр. 140)

Олимпиу г. Ursan (Сингапур) пишет относительно предложения в *Оксфордский компаньон к шахматам* , что Карлос Торре нервный срыв был вызван поступлением две огорчительные письма, просто до последнего раунда игры против Эдварда Ласкера в Чикаго, 1926.

В Герман Хелмс' шахматные колонки в *Бруклине дневной Орел* в 1926-27 мистер Ursan нашел никакого упоминания о такой казус в связи с турниром, в котором приняли участие Хелмса. 26 октября 1926 Хелмс дал некоторые детали Торре возвращение в Мексику:

‘Карлос Торре, Мексиканский чемпион мира по шахматам, плавал в субботу на борту парохода *Монтерей* подопечного линии, направлявшихся в его доме в Мериде, штат Юкатан, кстати Гаваны и Прогресо. Молодой международный эксперт вернулся в эту страну немногим более двух месяцев назад для того, чтобы играть в национальном турнире в Чикаго, где он занял второе место на уровне с Magóczy Венгрии и чуть ниже Маршалл, США чемпион. Начиная с его возвращения в Нью-Йорк Торре был слаб здоровьем и пошла домой вернуться его родители. В мягком климате родного края он надеется на скорейшее восстановление сил.

Антонио Канту, еще один выходец из Мериды, и Эмилио Deumier, оба члены Филадельфийского Шахматного клуба этого города, были пассажиры на одном корабле. Перед отъездом из Мехико, где он выиграл национальный чемпионат по шахматам в турнире, Торре полученные сильную поддержку на матч с Маршаллом для пан-американский чемпионат, но переговоры, которые были установлены затевается были прекращены.’

Кроме того, некоторые детали Хелмс, полученные путем интервьюирования Ф. С. лона. От *Бруклина ежедневно Орла* от 26 мая 1927 года:

‘Торре Восстановления Здоровья

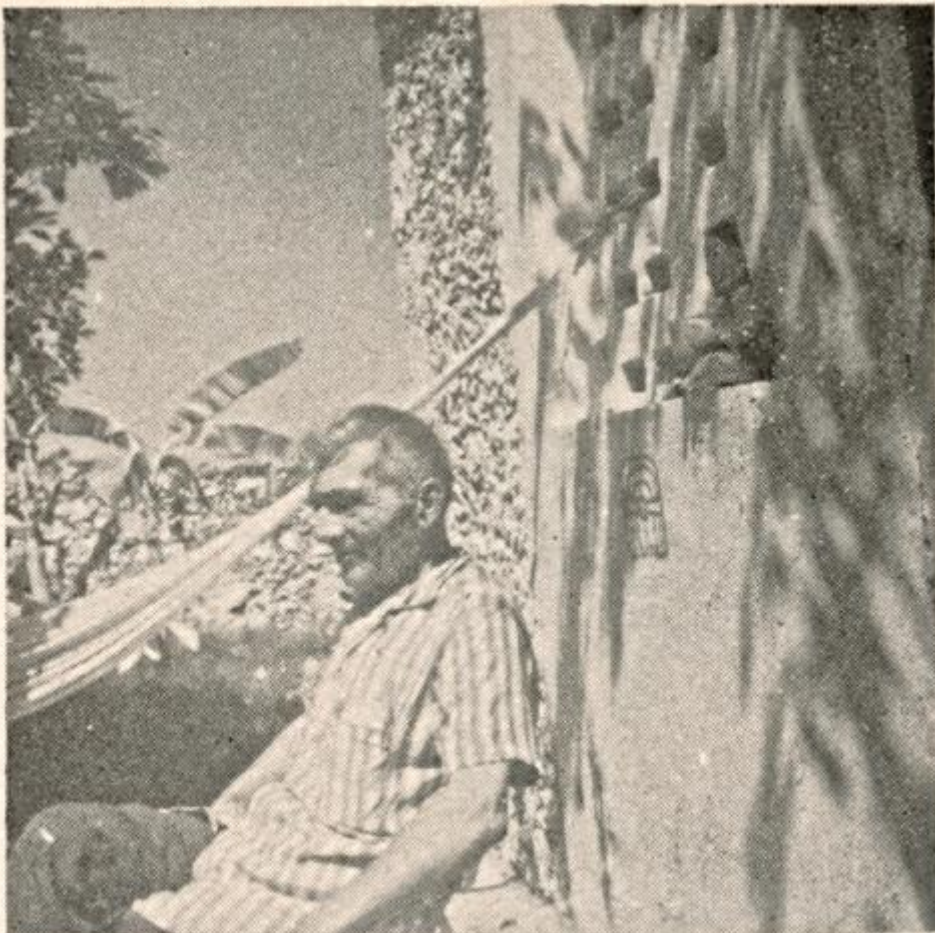
Карлос Торре, кто перенес расстройство несколько месяцев назад и вернулся домой к родителям в Мериде, Мексика, восстановил его здоровье, по словам Ф. С. лона Манхэттена, мексиканской железной дороги и пресс-представителем и личным другом молодой Мексиканский чемпион мира по шахматам. “Он осознает, что его здоровье ухудшалось с ним”, сказал г-н лона, “когда он заметил, что ему пришлось чрезмерно напрягаться в поимке

Мексиканского чемпионата и позже, когда в Чикаго, он должен был хлещите себя зависящее, чтобы принести его в лучших хозяев турнира, в котором он вышел вторым. Затем, вместо того, чтобы принять столь необходимый отдых, как только он прибыл в Нью-Йорк, он посвятил себя переводу д-р Ласкер книга *Lehrbuch de Schachspiels*, что задача, Торре утверждает, оказалась гигантской и представляют собой традиционные соломы.

Он сейчас набирает вес и в целом физического здоровья и считает, что ему впору будет конкурировать в следующем мексиканской шахматам в течение июня. Если, после этого чемпионата, он чувствует себя уверенно, что он стал на себя прежнего, как шахматист, он намерен выйти в мир и продолжать свою шахматную карьеру в качестве интернационалиста.

Торре многие друзья считают, что он будет целесообразно, если он полностью воздерживается от серьезных шахмат еще на год, а затем, полностью возобновляться, возможно, вновь выйти на арену, которая дала ему мировую известность.'

CARLOS TORRE
Recent photo at his home in Mexico

New Orleans, 1920	not rated on January 1920 list	-	-1 (0/1, 0%)	no games vs rated opposition	N/A
New Orleans, 1924	not rated on January 1924 list	-	+1 (1/1, 100%)	no games vs rated opposition	N/A
New York Dimock, 1924	not rated on January 1924 list	[2514]	+3 (5.5/8, 69%)	= (1/2, 50%) vs 2557-rated opposition	N/A
Baden-Baden, 1925	not rated on January 1925 list	2646	+1 (10.5/20, 53%)	+1 (9/17, 53%) vs 2626-rated opposition	N/A
Marienbad, 1925	not rated on January 1925 list	2695	+5 (10/15, 67%)	+4 (9/14, 64%) vs 2616-rated opposition	N/A
<hr/>					
Kupchik-Torre Repetto Match (New York), 1925	not rated on January 1925 list	-	+1 (4/7, 57%)	no games vs rated opposition	N/A
Moscow, 1925	2641 (#12 on November 1925 list)	2666	+4 (12/20, 60%)	+1 (7.5/14, 54%) vs 2653-rated opposition	+0.7
Chicago, 1926	2664 (#10 on January 1926 list)	[2636]	+1 (2/3, 67%)	= (1/2, 50%) vs 2739-rated opposition	+0.2
MEX-ch Mexico City, 1926	2664 (#10 on January 1926 list)	-	+6 (6/6, 100%)	no games vs rated opposition	N/A